This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Краснохолмская народная библиот.

391.78
G60
A48ps

891
А 53

9181

А. Алферовъ.

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ

И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ПОЭЗІИ ДЛЯ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ.

Публичная лекція.

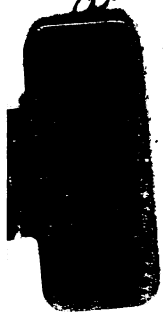
Цѣна 20 коп.

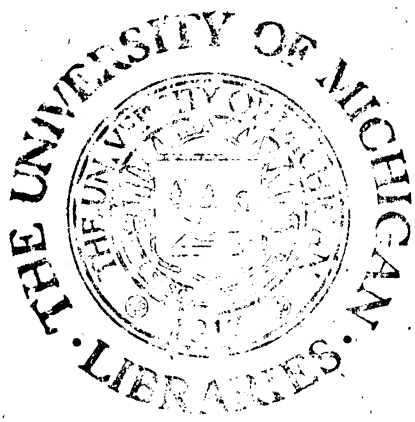
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

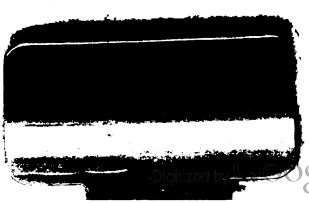
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1901 г.

Digitized by Google

899
Au4.53







Digitized by Google

8917.
1/53

Digitized by Google

Digitized by Google

Кр. Нар. Биб.

А. Алферовъ.

19 I/XI 1902 г.
891
А-53
№ 426.
Alferov, Aleksandr Danilovich.

Особенности творчества Гоголя

и значеніе его поэзіи

для русскаго самосознанія.

Публичная лекція.

2429 — 918
№ 57
БИБЛИОТЕКА
Московской области
№ 19 г.
№ 57

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1901.

Digitized by Google

891.78
G60
A78ps

Дозволено цензурою. Москва, 9 мая 1901 года.

Digitized by Google

Slavic
Slavonic
VGBIL
1-24-77
1193867-293

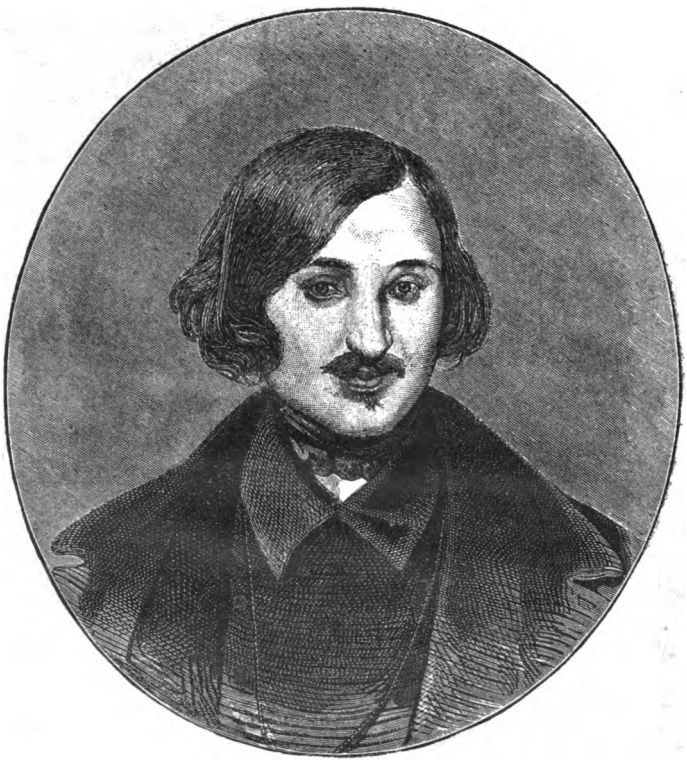
28/53

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ

И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ПОЭЗІИ

ДЛЯ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ.

Digitized by Google



Н. В. Гоголь.

Digitized by Google

Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія.

I.

Творчество писателя составляетъ такую загадку, разрѣшить которую врядъ ли возможно, въ особенности творчество такихъ сложныхъ и богатыхъ натуръ, какою былъ Гоголь.

Разгадать духовную жизнь Гоголя тѣмъ болѣе трудно, что онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не любятъ высказываться, и не только ревниво берегутъ про себя свои лучшія стремленія и замыслы, но даже подчасъ мистификаторски отводятъ глаза отъ своихъ истинныхъ цѣлей и взглядовъ. Эта особенность Гоголя такъ велика, что даже интимныя письма его къ близкимъ ему людямъ не всегда вѣрно опредѣляютъ его настоящія мысли и получаютъ характеръ убѣдительности только тогда, когда по выраженнымъ въ нихъ чувствамъ и мнѣніямъ совпадаютъ отчасти съ другими замѣтками Гоголя, отчасти съ прямымъ свидѣтельствомъ людей, знавшихъ его лично. Но самое вѣрное средство для распознанія личности такого скрытнаго человѣка, какъ Гоголь, это, конечно, подойти къ нему въ то время, когда онъ не знаетъ о вашемъ присутствіи и, такъ-сказать, подслушать, что говоритъ онъ наединѣ съ собой.

Но гдѣ же Гоголь оставался, дѣйствительно, самимъ собой? когда можно было бы застать его врасплохъ и услышать искреннюю и основную ноту его голоса? Я

Digitized by Google

полагаю, что чаще всего онъ былъ самимъ собою въ своихъ произведеніяхъ; его колоссальный талантъ овладѣвалъ имъ безвозвратно и заставлялъ невольно то тутъ, то тамъ непосредственно отдаться своему увлеченію, говоря словами Шекспира, „прильнуть къ мечтѣ". Да и самъ Гоголь подсказываетъ намъ этотъ путь, чтобъ разгадать загадку. Когда ему было 19 лѣтъ, по выходѣ изъ Нѣжинскаго лицея онъ писалъ матери: „Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами! Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, началомъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ угрюмый, задумчивый, неотесанный и пр., въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ уменъ, у другихъ — глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ". Особенно осторожнымъ приходится быть въ сужденіи о невѣжествѣ Гоголя, котораго хотя нельзя отрицать и нельзя не указать, но которое куда-то исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, какъ только мы вступаемъ въ соприкосновеніе съ его даромъ проницательности и его поразительнымъ, если можно такъ выразиться, глазомѣромъ жизни. Онъ самъ великолѣпно освѣтилъ этотъ вопросъ о своей безграмотности въ повѣсти „Портретъ". Одинъ живописецъ опредѣляется здѣсь такъ: „это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало — одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ своего непочатаго лона только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованія и шедшій, по причинамъ, можетъ-быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ „невѣжи", и которые, не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже

Digitized by Google

далеко въ душѣ своей уходитъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжи. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почувствовалъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ". Въ этихъ словахъ многое примѣнимо къ самому Гоголю, который въ себѣ самомъ, главнымъ образомъ, и отыскивалъ и силы и разные пути для выраженія этихъ силъ.

Прежде чѣмъ предложить общему вниманію различныя стороны его жизни и развитія его творчества, я позволю себѣ сдѣлать одну оговорку. Всѣмъ извѣстно, что въ характерѣ этого человѣка было много свойствъ, непріятно поражавшихъ тѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ въ жизни: и его капризы, и надменность, и навязчивый тонъ поученія, и хитрость, иногда соединенная съ искательствомъ, — все это отталкивало отъ него очень многихъ; но я не буду вовсе останавливаться на этихъ, если хотите, темныхъ чертахъ Гоголя. Я не буду задаваться вопросомъ: хорошій онъ былъ или дурной человѣкъ? Правила обычной морали слишкомъ узки, чтобы охватить такое сложное, то больное и подавленное, то въ высокой степени воодушевленное существованіе, какое представляетъ намъ внутренняя жизнь этого своеобразнаго человѣка. Я стремлюсь не цѣнить его нравственность, а только попробовать разъяснить, какъ шло развитіе Гоголя, и какіе пріемы творчества обнаружилъ онъ въ связи съ своею личностью.

Есть, къ счастью, одинъ документъ, который внушаетъ къ себѣ во многихъ отношеніяхъ серьезное довѣріе для сужденія о развитіи Гоголя, какъ писателя. Этотъ документъ — его собственная „Авторская исповѣдь". Онъ внушаетъ довѣріе, потому что вѣрность свѣдѣній, разсказанныхъ здѣсь, подтверждается многими лицами, знавшими Гоголя, и его собственной замѣткой въ письмѣ къ Плетневу (10 іюня 1847), гдѣ объ этой исповѣди онъ пишетъ: „Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво". Въ этой „Авторской исповѣди" есть одно

Digitized by Google

цѣнное замѣчаніе: „Отъ ранней юности, — пишетъ Гоголь, — у меня была *одна дорога*, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что не былъ глупъ — вотъ и все“. Этимъ замѣчаніемъ Гоголь уничтожаетъ предположенія о какомъ-нибудь поворотѣ въ его личномъ развитіи, который нерѣдко видятъ въ его „Перепискѣ съ друзьями“.

Это разоблаченіе Гоголя такъ важно, что при всей надежности документа, попробуемъ въ данномъ случаѣ ему не повѣрить. Правда ли, въ самомъ дѣлѣ, что Гоголь оставался вѣренъ себѣ даже и въ послѣдней части своей жизни? Попробуемъ прослѣдить это по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ объ его жизни. Сосредоточимте сначала наше вниманіе на его болѣзненной мечтательности, религіозности и грусти, оставляя пока въ сторонѣ его реальныя стремленія. Съ какихъ лѣтъ становятся замѣтны въ немъ эти свойства, отличавшія его въ зрѣломъ возрастѣ? Начнемте съ дѣтства. Намъ всѣмъ извѣстно, что въ юности и ранней молодости это былъ человѣкъ неудержимой веселости. И это было дѣйствительно такъ; такъ казалось всѣмъ, такъ казалось временами и ему самому, но посмотрите, что скрывалось за этой бодростью. Ребенкомъ онъ уже могъ иногда слышать какіе-то странные голоса, неизвѣстно откуда исходившіе и называвшіе его по имени; эти голоса дѣйствовали на него потрясающе. Въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ онъ вспоминаетъ объ этомъ. „Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая... Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада, и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню“. Если такіе случаи, захватывавшіе ребенка,

Digitized by Google

и не были такъ часты, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ, то они во всякомъ случаѣ не доказываютъ уже и въ этомъ возрастѣ большой жизненной бодрости въ мальчикѣ, а скорѣе непомѣрное развитіе воображенія, подавляющимъ образомъ дѣйствовавшаго на, повидимому, слабый организмъ.

Его религіозное чувство получило жизненность и силу еще въ раннемъ дѣтствѣ и не покидало затѣмъ всю жизнь. И въ высшей степени любопытно, что впервые оно заговорило въ немъ и направило мысль на предметы вѣры подъ вліяніемъ того же его пламеннаго воображенія: описавши въ письмѣ къ матери (2 окт. 1833 г.) баловство, которымъ его окружали, онъ пишетъ про свое дѣтство: „Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ... я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали или носили меня... Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ,— я живо, какъ теперь помню этотъ случай,— я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это меня потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“. Можно, дѣйствительно, повѣрить, что этотъ разсказъ о Страшномъ Судѣ, трогательный и страшный, и заложилъ съ этихъ лѣтъ въ Гоголя то пламенное отношеніе къ религіи, которое можно замѣтить постоянно въ его перепискѣ съ матерью и изъ Нѣжина, и изъ Петербурга, и изъ-за границы, и изъ Москвы — отовсюду и во всякомъ возрастѣ. Въ одномъ изъ писемъ (1829 года), напримѣръ, въ 20-лѣтнемъ возрастѣ, онъ говоритъ матери, что онъ „чувствуетъ налегшую на него справедливымъ наказаніемъ *тяжкую Десницу Всемогущаго*“, а въ заключеніи письма

Digitized by Google

прибавляетъ: „Въ умиленіи я *призналъ невидимую Десницу, пекущуюся обо мнѣ,* и благословилъ *такъ дивно назначаемый мнѣ путь*“.

Много писалось и говорилось въ свое время о высокомѣрномъ ханжествѣ Гоголя, обнаружившемся неожиданно для всѣхъ съ изданіемъ его переписки, но матеріалы для его біографіи съ тѣхъ поръ собранные и изданные, съ очевидностью убѣждаютъ, что пророческій и требовательный тонъ въ вопросахъ нравственности для него самого былъ вовсе не новость. Перечитайте его письма къ роднымъ, къ матери и сестрамъ, съ которыми и въ молодости онъ чувствовалъ себя не стѣсненнымъ, какъ съ тѣми высокопоставленными лицами (съ которыми онъ пересталъ стѣсняться только впослѣдствіи), перечитайте,— и передъ вами предстанетъ любопытная картина какъ разъ тѣхъ противорѣчивыхъ настроеній, которыя внезапно для всѣхъ обнаружились подъ конецъ его жизни. Эти настроенія именно не образовались, а только обнаружились къ этому времени, потому что существовали и раньше, но оставались интимною тайной самого писателя. Въ этихъ раннихъ своихъ письмахъ къ роднымъ, особенно къ матери, онъ или осыпаетъ ихъ страшно свысока своими наставленіями, то на религіозной, то на житейской подкладкѣ, и доходитъ иногда даже до того, что рекомендуетъ имъ читать только свои письма и ничего болѣе, или, тронутый ихъ возраженіями, съ неподдѣльною грустью, и даже нѣкоторымъ самобичеваніемъ стремится загладить нанесенную обиду. Да притомъ эта наклонность къ грусти вообще стала проявляться въ немъ еще въ ранней молодости. Правда, 17-лѣтнимъ юношей онъ пишетъ матери: „Часто въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, *я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни,* удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ отъ него, встрѣтившись съ нимъ“. Но при всемъ

Digitized by Google

этомъ онъ же самъ въ „Авторской исповѣди“ вспоминаетъ: „Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. *На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ-быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого,* я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать...“

Да онъ и не избѣгъ этихъ печальныхъ хотъ даже въ тѣхъ произведеніяхъ своей молодости, неудержимая и совершенно непринужденная веселость которыхъ остается поразительна и до настоящаго времени, и любопытно, что грустныя замѣчанія въ этихъ его повѣстяхъ всѣ представляютъ не частность, а широкое и яркое пессимистическое обобщеніе, бросающее свѣтъ на нѣкоторыя черты основного міросозерцанія человѣка. Хотя въ повѣсти объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ онъ сыплетъ одинъ за другимъ неподражаемые повседневные анекдоты изъ захолустной жизни, но заканчиваетъ повѣсть такъ, какъ никогда не закончилъ бы ея вполнѣ жизнерадостный человѣкъ: „Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

Если думать, что печальная развязка анекдота объ этихъ двухъ сосѣдяхъ могла навести Гоголя на это размышленіе, и что оно есть случайность, естественно сопровождающая подобную развязку, то чѣмъ объяснить, какъ не личной чертой человѣка, окончаніе разсказа „Сорочинская ярмарка?“ Вѣдь этотъ разсказъ, дѣйствительно, деревенская ярмарка — шумная, пестрая, веселая, завершающаяся счастливою свадьбой, гдѣ и старый и малый пустился въ плясъ, и на деревенской улицѣ все понеслось и затанцовало при ударѣ смычка музыканта. Но, едва описавъ веселую картину, Гоголь незамѣтно переходитъ къ такому

Digitized by Google

замѣчанію: „Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ густотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

„Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата нхъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, нечѣмъ помочь ему“.

Такихъ примѣровъ грустнаго лиризма разсыпано много въ сочиненіяхъ Гоголя. Всѣхъ ихъ не собрать, но припомните, напр., еще замѣчаніе Гоголя въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ по поводу мимолетной встрѣчи Чичикова съ губернаторской дочкой, которая быстро скрылась изъ его глазъ въ своемъ великолѣпномъ экипажѣ. Это исчезновеніе губернаторской дочки невольно заставляетъ Гоголя воскликнуть, что точно такъ же исчезаетъ изъ нашей жизни и „блестящая радость“. Что такое эта грусть Гоголя? Состраданіе къ людямъ? Гражданская тоска? Можетъ-быть, и такъ; но прежде всего, какъ убѣждаетъ насъ весь тонъ лирическихъ его отступленій, это личная неудовлетворенность, глубокая біографическая черта, это грусть о себѣ самомъ. Не даромъ его вѣрный другъ — Пушкинъ, убитый раньше, чѣмъ Гоголь началъ старѣть, уже называлъ его „великимъ меланхоликомъ“.

Въ одномъ изъ приведенныхъ уже мною писемъ вы могли замѣтить, что Гоголь отказывается считать себя мечтателемъ. Но такъ ли это было въ дѣйствительности? Отчего Гоголь такъ любитъ легенду? старинное красивое и страшное преданіе? зачѣмъ онъ такъ ярко описалъ майскую ночь

Digitized by Google

и хороводъ русалокъ, играющихъ въ коршуны при лунномъ сіяніи? Откуда онъ выкопалъ своего „Вія“ и всю кучу страшныхъ видѣній, сопровождающихъ этотъ разсказъ? Отчего онъ заинтересовался въ „Страшной мести“ фантазіей о гигантскомъ всадникѣ, который „страшною рукою“ ухватилъ колдуна и поднялъ его на воздухъ надъ бездонною пропастью въ Карпатскихъ горахъ? Припомнимъ кстати, какъ залюбовался Гоголь сномъ „бѣднаго сына пустыни“, и какая поэтическая греза нарожденія христіанства возникла передъ его мечтательнымъ и проникающимъ въ даль взоромъ. Я не буду уже говорить объ его увлеченіи героическою жизнью, какую вы найдете въ повѣсти „Тарасъ Бульба“, въ повѣсти „Остраница“.

Какъ глубоко переживалъ онъ всю эту окруженную ореоломъ легенды жизнь прошлаго, можно судить по его собственной терминологіи: о малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ онъ пишетъ, напр., Погодину: „Малороссійскія пѣсни со мною: *дышу и не надышусь стариной*“. О пѣсняхъ, собранныхъ г. Сахаровымъ, онъ пишетъ, что ему хочется *назвучаться* ихъ звуками. Это обращеніе къ національной старинѣ, народному преданью и героической легендѣ заставляетъ насъ признать въ Гоголѣ чисто романтическія свойства. Его современникамъ, романтикамъ 40-хъ годовъ, хорошо знакомымъ съ западной поэзіей этого рода, больше, чѣмъ намъ, бросалось въ глаза сходство произведеній Гоголя съ произведеніями западныхъ романтиковъ. Въ журналѣ „Телескопъ“, напр., въ 1831 году (№ 20 стр. 653) указывалось огромное сходство „Вечера наканунѣ Ивана Купалы“ съ повѣстью Тика „Чары любви“. Гоголь, вообще очень мало читавшій, по западной литературѣ въ особенности, увлекался англійскимъ писателемъ, тогдашнимъ любимцемъ русской публики — этотъ писатель-романтикъ и живописецъ шотландской старины — Вальтеръ Скоттъ.

Для того, чтобы еще болѣе убѣдиться въ живой склонности Гоголя къ мечтѣ, намъ стоитъ только отправиться

Digitized by Google

съ нимъ за границу, и посмотрѣть, какъ онъ проводитъ тамъ время. Мы можемъ дѣлать эти наблюденія, пробѣгая глазами страницы повѣсти „Римъ", въ которой люди, знавшіе его лично, и въ ихъ числѣ Анненковъ, очень тонко понимавшій Гоголя, видятъ много автобіографическаго. Въ этомъ неоконченномъ отрывкѣ, разсказывающемъ о томъ, какъ римскій князь переживаетъ впечатлѣнія и отъ природы Италіи, и отъ созданій ея искусства — храмовъ, дворцовъ и картинъ, Гоголь невольно выдаетъ свои собственныя чувства, испытанныя на тѣхъ же мѣстахъ и по тѣмъ же поводамъ. „Въ Генуѣ князь вспомнилъ, что онъ уже много лѣтъ не былъ въ церкви... Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная за что... О! сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди!.."

Мечты съ особенною силою овладѣвали княземъ при созерцаніи какого-нибудь дивнаго итальянскаго пейзажа, начинающаго темнѣть и покрываться сумракомъ въ послѣднія минуты вечера. Вотъ какъ описывается этотъ князь, въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ любующійся съ холма Римомъ при наступленіи вечера: „Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ; еще живѣй и ближе сдѣлался городъ, еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ.. Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа и все, что ни есть на свѣтѣ".

Анненковъ, жившій съ Гоголемъ въ Римѣ, не разъ видалъ, какъ онъ по полусуткамъ, лежа на аркадѣ стариннаго римскаго водопровода, смотрѣлъ въ голубое небо или на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью; иногда онъ цѣлые часы проводилъ среди густой растительности, гдѣ-нибудь въ чащѣ, и оттуда устремлялъ *„зоркіе, недвижимые глаза* въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ, и

Digitized by Google

оставался *недвижимъ цѣлые часы, съ воспаленными щеками*". О чемъ онъ въ это время думалъ? Ужъ не жилъ ли онъ это время тѣми же мечтами, какъ его римскій князь? Можно думать, что его южная, пламенная фантазія, не разъ среди этихъ созерцаній, заставляла его видѣть не тѣ предметы, въ которые вперялъ онъ свой взоръ, а какіе-нибудь свои собственные золотые сны, и что въ эти минуты онъ могъ сказать вмѣстѣ съ авторомъ Фауста:

И вновь дѣйствительность темнѣетъ предо мной,
И снова я живу любимою мечтой.

Не даромъ Гоголь такъ любилъ готическую архитектуру, не даромъ онъ своимъ курсомъ лекцій по исторіи выбралъ не что другое, какъ средніе вѣка.

Итакъ, способность отрываться отъ дѣйствительности, уноситься въ собственныя грезы и отдаваться своимъ думамъ съ жаромъ и страстью — коренная черта этого знаменитаго нашего реалиста. Она составляла благодарную почву для того, чтобы постепенно и безвозвратно отдаться распаленному воображенію упорнаго и нетерпимаго сектанта. „Итакъ, послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышленій, идя видимо впередъ, — пишетъ Гоголь, — *я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства*". Эта постепенность увлеченія Гоголя вопросами узкой морали отмѣчена была русской критикой еще до появленія „Переписки съ друзьями".

Бѣлинскій уже и въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ" усмотрѣлъ съ поразительною проницательностью недобрые признаки, испугался зловѣщихъ предзнаменованій для таланта этого любимѣйшаго его писателя. Но пусть самъ Гоголь укрѣпился въ этихъ взглядахъ, зачѣмъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свою интимную переписку съ друзьями?

Если сослаться на него самого, то его слова такъ противорѣчивы, что положительно исключаютъ другъ друга. То онъ говоритъ, что хотѣлъ выпустить въ свѣтъ

Digitized by Google

„задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ", прибавляя: „Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку, и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь примиряющимъ съ жизнью". — То пишетъ, что хотѣлъ этой книгой *примирить* людей съ жизнью, то, впадая совершенно въ другой тонъ, онъ пишетъ Жуковскому, что, уже послѣ изданія этой книги, онъ „очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что *напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе"* и „что *размахнулся въ этой книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣетъ духу заглянуть въ нее"*. Люди, встрѣчавшіеся съ нимъ передъ изданіемъ этой книги, видѣли его часто задумчивымъ и какъ бы уже болѣе опредѣлившимся и сосредоточеннымъ. Но къ какимъ бы взглядамъ Гоголь ни пришелъ въ этой книгѣ, самаго грустнаго въ этой перепискѣ то, что съ нею Гоголь отказывался отъ своего таланта, готовъ былъ въ немъ видѣть грѣховное стремленіе. Какъ это могло случиться? Да и что въ сущности произошло? Кто кого покинулъ? Гоголь ли забросилъ свой талантъ, или талантъ покинулъ Гоголя?

Въ сущности, происходило и то и другое. Все болѣе и болѣе страдая разными мучительными недугами, которые врачи затруднялись даже и опредѣлить, и постепенно приходя въ тотъ возрастъ, когда люди все меньше и меньше могутъ обходиться безъ опредѣленнаго міросозерцанія, онъ со всей своей страстностью сталъ строить это міросозерцаніе. Принадлежа къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ шутить съ идеями, онъ сталъ жадно истреблять въ себѣ все, что только могло въ немъ противорѣчить этимъ все болѣе опредѣляющимся въ немъ идеямъ, и въ этой тяжкой работѣ у него совсѣмъ не было важнѣйшаго подспорья для выясненія себѣ этихъ идей — у него не было знаній, онъ, дѣйствительно, былъ невѣжественъ. „Въ школѣ, — говоритъ онъ про себя, — я получилъ воспитаніе довольно плохое, а

Digitized by Google

потому и немудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я *началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ,* что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія".

Пушкина въ это время уже не было въ живыхъ, а новые друзья, по его собственнымъ словамъ, *подталкивали* его на этотъ путь. А путь былъ исполненъ мучительныхъ и раздирающихъ противорѣчій съ самимъ собою. Онъ не много, не мало, какъ жадно и пламенно хотѣлъ узнать сразу душу человѣка и вступилъ въ такую трагическую борьбу съ собою, которая заставляла его подчасъ совершенно изнемогать. Въ 1849 году онъ пишетъ: „Я весь *изстрадался,* я такъ *боленъ и душой, и тѣломъ,* такъ расколебался весь", а въ „Авторской исповѣди" замѣчаетъ: „Мнѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что мило человѣку на землѣ, затѣмъ, чтобы ни о чемъ другомъ не помышлять, кромѣ труда своего".

Какъ любилъ Гоголь свое дарованье, какъ благоговѣлъ передъ нимъ, лучше всего видно изъ нѣсколькихъ трогательныхъ словъ его, написанныхъ въ молодости, во время полнаго расцвѣта этого дарованья. Вотъ что писалъ онъ тогда, обращаясь къ своему генію. „О, не разлучайся со мною! живи на землѣ со мною хотя два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу! Я совершу! Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу! о, поцѣлуй и благослови меня!"

Но если совсѣмъ неновыя для него мистическія идеи все болѣе убѣждали его все-таки совершить этотъ разрывъ съ его дарованьемъ, то и само дарованье подъ конецъ его жизни начинало ослабѣвать; и это ослабленіе своей

Digitized by Google

впечатлительности онъ замѣтилъ уже въ первомъ томѣ Мертвыхъ душъ. Онъ пишетъ здѣсь: „Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту; все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ". Охарактеризовавъ тутъ же свѣжесть тогдашняго своего воображенія, онъ продолжаетъ: „Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. „О, моя юность! о, моя свѣжесть!.." Это были для него первыя предчувствія, которыя давали ему уже понять приближеніе печальной развязки.

Прочтите примѣчанія Тихонравова къ II и III тому сочиненій Гоголя, и вы увидите, что это настоящій скорбный листъ ужаснаго страданія, гдѣ возврата не было, гдѣ съ каждымъ днемъ отъ него убѣгаютъ и жизнь и талантъ съ такой неумолимостью, что ихъ ничѣмъ не удержать, никакими усиліями, какъ въ извѣстной картинѣ Рѣпина не удержать Грозному той жизни, которая убѣгаетъ сквозь его пальцы, не удержать... какъ бы изступленно и нѣжно ни сжималъ онъ голову милаго, но умирающаго сына въ своихъ судорожныхъ объятьяхъ.

Гоголь дѣлалъ подобныя же усилія. „Я старался,— пишетъ онъ уже въ 1826 г.,—дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ и этому порядку не отъ меня начертанному. Я *пробовалъ нѣсколько разъ писать попрежнему, какъ писалось въ молодости, т.-е. какъ попало, куда ни поведетъ перо мое;* но ничто не лилось на бумагу. Усилія мои,— пишетъ онъ въ „Авторской исповѣди",— оканчивались почти всегда болѣзнью, страданіями и, наконецъ, такими припадками,

Digitized by Google

вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Что мнѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ... *какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ!*"

Онъ чувствовалъ очень хорошо, что подъ нимъ разверзается бездна, и могъ только съ отчаяніемъ кричать о помощи, которой ему никто не въ силахъ былъ оказать, онъ слышалъ только неожиданно для себя со всѣхъ сторонъ осужденіе и негодованіе на послѣднее, что вышло изъ-подъ его пера. Въ послѣдней главѣ „Записокъ сумасшедшаго" Поприщинъ пишетъ: „Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть... Боже! что они дѣлаютъ со мной!.. *Они не внимаютъ, не видятъ, не слушаютъ меня!* Что хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю... *Спасите меня! возьмите меня!..* Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего... Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка мелькаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына!.. *Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ!* Матушка, пожалѣй *о твоемъ больномъ дитяткѣ*".

Въ этой мольбѣ, дѣйствительно, можетъ чудиться что-то родственное самому автору. Да и отчего, въ самомъ дѣлѣ, мелкій канцелярскій чиновникъ Поприщинъ, не выѣзжавшій изъ Петербурга, этотъ неудачный претендентъ на испанскій престолъ, отчего онъ такъ удивительно совмѣстилъ вдругъ въ своемъ трагическомъ порывѣ и русскую деревню, и милую, дорогую для Гоголя — Италію?

Гоголь умеръ въ 1852 году; ближайшій поводъ къ его смерти врачи не могли опредѣлить. За три дня до смерти онъ пересталъ принимать пищу. Онъ горѣлъ и таялъ отъ какого-то внутренняго пожиравшаго его огня... Такова трагическая сторона жизни этого необыкновеннаго человѣка.

Digitized by Google

А теперь отъ этихъ печальныхъ впечатлѣній перейдемъ къ тѣмъ его свойствамъ, которыя ему въ жизни были величайшимъ счастьемъ и отрадой, къ его способности творчества, перейдемъ къ характеристикѣ его колоссальнаго, блестящаго таланта. Въ этомъ случаѣ мы послѣдуемъ его собственнымъ словамъ, сказаннымъ въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“: „Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что дѣлаетъ Чичиковъ“.

II.

Если, желая опредѣлить талантъ Гоголя, мы захотимъ послушать его собственныя опредѣленія, мы впадемъ въ большія недоумѣнія. Для примѣра приведу такія два его мнѣнія. Въ одномъ мѣстѣ „Авторской исповѣди“ онъ говоритъ: „Я никогда *ничего не создавалъ въ воображеніи* и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ. *Угадывать человѣка* я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. *Я создавалъ* портретъ, но создавалъ его *вслѣдствіе соображенія, а не воображенія*“. А немного выше пишетъ, что „*выдумывалъ цѣликомъ* смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза“. Правда, послѣднія слова относятся къ болѣе раннимъ его произведеніямъ, но они во всякомъ случаѣ показываютъ, что способность къ непринужденной фантазіи существовала у него, и даже въ такихъ размѣрахъ, что по его собственнымъ словамъ, многіе читатели приводились въ „недоумѣніе рѣшить, какъ

Digitized by Google

могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости". Куда жъ исчезло у Гоголя живое воображеніе въ расцвѣтѣ его творчества? И какъ понимать его *я создавалъ вслѣдствіе соображенія, а не воображенія.*

Чтобъ приблизиться къ истинѣ въ рѣшеніи этого вопроса, опять-таки не будемъ вѣрить ему на слово, а начнемъ наблюдать за нимъ самимъ въ то время, когда, говоря о другихъ предметахъ, онъ случайно проговаривается, самъ не замѣчая этого, о себѣ; прислушаемся по дорогѣ и къ голосу знававшихъ его современниковъ, и всмотримся внимательнѣе въ его созданья. Приступая же къ подобнымъ очнымъ ставкамъ мнѣній и чувствъ человѣческихъ, будемъ имѣть въ виду, что нѣтъ на свѣтѣ такого творчества, которое не сочеталось бы изъ постоянно переходящей одна въ другую работы мысли и фантазіи, и что источникомъ какой-нибудь богатой фантазіи, хотя бы даже и для „Потонувшаго колокола", всегда бываетъ реальный фактъ. Обратимся сначала къ тому періоду его жизни, когда онъ, такъ сказать, былъ на границѣ между безотчетнымъ весельемъ молодости и близкимъ переходомъ уже въ болѣе зрѣлый возрастъ.

Въ 1835 году, въ то время, когда уже началъ готовиться „Ревизоръ", Гоголь писалъ матери: „Литература вовсе *не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства,* такимъ самымъ образомъ, какъ музыка и какъ живопись". А насколько въ это самое время фантазія просто одолѣвала его, съ силой галюцинаціи представляя ему противъ его собственной воли яркія картины, вы можете судить по его письму къ Погодину, относящемуся также къ этому періоду его жизни. Сообщая въ этомъ письмѣ, что онъ не можетъ продолжать задуманной комедіи по цензурнымъ условіямъ, Гоголь пишетъ: „Итакъ, за комедію я не могу приняться. Примусь за исторію,—передо мной движется сцена, шумитъ апплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и исторія къ чорту". Въ одномъ изъ своихъ писемъ этого же періода онъ

Digitized by Google

замѣчаетъ, что у него *„сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти,* ни одного даже отрывка *полнаго“*, что едва ли могло бы быть у человѣка безъ пылкаго воображенія. А по свидѣтельству Тихонравова, терпѣливо сличавшаго всевозможные листы, полулисты, лоскутки, клочки черновиковъ, оставшихся послѣ Гоголя, это была именно его манера писать. „Онъ писалъ свои большія произведенія не въ последовательности главъ или сценъ, а безъ всякаго порядка“. Черта, едва ли показывающая, что человѣкъ работаетъ логикой, а не творитъ воображеніемъ. А какъ далеко не единственный образецъ того, куда могла уносить Гоголя его фантазія, можетъ служить живописная передача жалобы прекрасной полячки въ повѣсти Тарасъ Бульба (1842 г.). Гоголь пишетъ, что полячка „отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилася въ жалостливыхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятною грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ-то проѣзжающей телѣги“. Пробѣгая глазами эти строки, невольно ставишь себѣ вопросъ, какимъ же путемъ, какъ не полетомъ пламенной фантазіи, могъ перенестись Гоголь отъ „тихихъ жалобъ“ полячки къ „тарахтанью телѣги“? Какое соображеніе можетъ заставить человѣка прійти къ такой неожиданности? Не даромъ Гоголь, вспоминая впослѣдствіи расцвѣтъ своего таланта, говорилъ, что онъ писалъ „подчасъ какъ попало, куда ни поведетъ перо“.

При всемъ томъ, тѣми же изслѣдованіями Тихонравова и Шенрока засвидѣтельствовано, что Гоголь постоянно перерабатывалъ свои созданія; да въ этомъ легко убѣдиться всякому, пробѣжавши глазами оглавленіе къ его сочине-

Digitized by Google

ніямъ, въ которомъ на каждомъ шагу вы встрѣтите: „первоначальная редакція“, „позднѣйшая редакція“, „дополнительныя главы“ и т. п. Въ періодъ, напр., отъ 1839 года до 1842 года онъ урывками обрабатывалъ новую редакцію „Тараса Бульбы“ и одновременно перерабатывалъ „Портретъ“, „Ревизора“, „Женитьбу“, „Игроковъ“, и сочинялъ „Театральный разъѣздъ“ и послѣднія главы 1 тома „Мертвыхъ душъ“. Это все вѣрно, но посмотрите, какъ онъ самъ случайно проговаривается о такихъ свойствахъ этой переработки, которыя говорятъ только, что онъ находится въ жару вдохновенія. Вотъ что онъ пишетъ изъ Вѣны въ 1840 году: „Я началъ чувствовать какую-то бодрость юности... Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; *воображеніе мое становится чутко. О, какая была это радость, если бы ты зналъ!* Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало *сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ*, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, и именно тутъ-то *требовалось спокойствіе головы и мыслей*“. Видно, прежній пасѣчникъ Рудый Панько не забылъ своей привычки — „вѣчно вкинуть что-нибудь новенькое“.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, Гоголь былъ правъ и тогда, когда говорилъ объ участіи соображенія въ его творчествѣ, и стоитъ разсмотрѣть, на что направлялись эти его соображенія. По воспоминаніямъ Берга, Гоголь давалъ ему такіе совѣты въ пріемахъ сочиненія. „Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою) достать написанное и перечитать; вы увидите, что

Digitized by Google

многое не такъ, много лишняго, а кое-чего недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и, гдѣ не хватитъ мѣста—взять отдѣльный клочекъ и приклеить сбоку. Когда все будетъ такимъ образомъ написано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ *сами собой явятся новыя озаренія*, урѣзы, добавки, очищенія слога. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ, вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ, и, когда она будетъ снова измарана, перепишите ее собственноручно".

Такъ, давая совѣты знакомому, Гоголь раскрылъ намъ пріемы собственной работы. Это совершенно пріемы живописца. Вы представьте себѣ художника въ его мастерской. Вся комната его наполнена этюдами; эти этюды приколоты къ стѣнѣ, развѣшаны на печкѣ, валяются на полу и на диванѣ. Тутъ вы найдете и уголъ избы, и солнечный закатъ, и напряженный мускулъ человѣка, и движеніе человѣческаго лица. Художникъ стоитъ передъ начатой картиной, которая должна совмѣстить въ себѣ эти разбросанныя житейскія впечатлѣнія, занесенныя кое-какъ на лоскутки полотна. Иногда въ раздумьи онъ разглядываетъ свои наброски, а потомъ подходитъ къ мольберту, кладетъ на полотно краску въ одно мѣсто, въ другое и, то приближаясь къ картинѣ, то отступая отъ нея на шагъ или два, онъ прищуриваетъ одинъ глазъ, какъ бы желая сосредоточиться, и внимательно всматривается въ эту картину. Если въ эту минуту на его лицѣ мелькнетъ удовлетвореніе, то это вѣрный признакъ, что въ картинѣ заиграла жизнь. Художникъ въ эти минуты, конечно, соображаетъ, но соображеніе его особаго свойства: тутъ есть и способность видѣть, чего не видитъ другой, и страстное стремленіе, и безотчетное чувство вкуса, и простой глазомѣръ. У Гоголя были также свои этюды, изъ которыхъ впослѣдствіи онъ бралъ тона и

Digitized by Google

цвѣта, весь колоритъ своихъ произведеній. Его записная книжка, къ счастію сохранившаяся, даетъ намъ отличное собраніе такихъ этюдовъ. Чего только въ ней нѣтъ? Вы помните, конечно, какая всякая всячина лежала на письменномъ столѣ у Плюшкина;— и „старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ“, и „лимонъ, весь высохшій“, и „отломленная ручка креселъ“, и „рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ“... Если бы вы, не зная кому принадлежитъ книжка Гоголя, стали ее перелистывать, вамъ нѣсколько разъ пришлось бы мѣнять ваши предположенія о ея владѣльцѣ, пока, добравшись до послѣдней страницы, вы не рѣшили бы послѣ всей пестроты полученныхъ впечатлѣній, что такая книжка можетъ принадлежать только одному лицу — живому и наблюдательному художнику. Тутъ вы найдете записанными: названія птичьихъ криковъ, и техническія выраженія хлѣбопашества, и ловли голубей; перечень собачьихъ кличекъ и примѣтъ, съ замѣчаніемъ: „о борзыхъ еще не говорено“; названія картъ; народныя „загибанья“, въ смыслѣ обидной остроты; безконечный списокъ различныхъ блюдъ, вродѣ „затируха“, „солодуха“ и т. д., характерныхъ для разныхъ сословій; перечисленіе взятокъ прокурора и рядомъ — перечень голохвастовскихъ жеребцовъ со всѣми ихъ примѣтами; образцы дѣлового языка казенной бумаги; списокъ типичныхъ прозвищъ, рядомъ съ горячимъ отзывомъ о театрѣ. Тутъ вы прочтете и внимательное описаніе народнаго обычая и обряда, и вопросы Хомякову о крестьянахъ, или замѣтку, набросокъ съ натуры, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, вродѣ такого: „На горномъ наклонѣ повиснула живая картина: купа деревъ вмѣстѣ съ избами, прятавшимися подъ ихъ тѣнью, прудъ, плетень и гать, по которой стучалъ ѣхавшій возъ“. Тутъ же записаны поговорки, пословицы и крики разносчиковъ, и, наконецъ, къ ужасу для вашихъ пуританскихъ чувствъ, вы здѣсь споткнетесь на нѣкоторыхъ страницахъ о мѣткія, правда, но непечатныя

Digitized by Google

слова. Сама жизнь вошла въ эту книжку въ своей полной и угловатой неприкосновенности. Среди всей этой калейдоскопической пестроты мелькаютъ замѣчанія религіознаго характера.

Случалось ли вамъ какъ-нибудь на улицѣ, отогнавши на нѣсколько минутъ личныя заботы и тревоги, оторвавшись, такъ сказать, отъ самихъ себя, оглянуться и съ свѣжимъ вниманіемъ всмотрѣться въ ту фантасмагорію живой и быстрой смѣны впечатлѣній, въ которой мы ежедневно купаемся? Вотъ этимъ воздухомъ улицы, ея смутнымъ движеніемъ, нестройными звуками и быстрымъ оборотомъ чувствъ и толчковъ вѣетъ отъ записной книжки Гоголя. Временами раскроешь ее, и точно неожиданно распахнулъ окно —

И въ комнату шумъ ворвался, —
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Люди, знавшіе Гоголя, отмѣчали его громадную способность всматриваться въ жизнь. Тургеневъ, слушавшій его лекціи и позднѣе съ нимъ встрѣчавшійся, говорилъ, что у Гоголя было *„постоянное проницательное* выраженіе лица". Анненковъ вспоминаетъ *о приросшей къ его лицу наблюдательности.* У самого Гоголя вы найдете выраженіе: *ястребиный взоръ наблюдателя.*

Онъ отличался необыкновеннымъ искусствомъ разузнавать и разспрашивать; свой живой матеріалъ онъ собиралъ повсюду; его письма къ роднымъ и знакомымъ полны вопросовъ объ общихъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ, о томъ, какъ они одѣваются, проводятъ время, нѣтъ ли у нихъ какихъ поговорокъ и тому подобное, и при этомъ онъ всегда проситъ сообщить ему все, до „самой послѣдней букашки". Онъ страшно цѣнилъ свое собственное непосредственное впечатлѣніе отъ жизни и мало обращалъ вниманія на чужія обобщенія. Онъ удалялся отъ тѣхъ людей, у которыхъ постоянно найдутся готовыя опредѣленія на разные случаи

Digitized by Google

жизни, и постоянно смѣялся надъ ними, „наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости игры въ бабки“. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ Гоголь невольно высказался объ этомъ въ словахъ: „Я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями“. Посѣтителей Гоголь боялся какъ огня и любилъ такія отношенія къ людямъ, которыя бы отъ него ничего не требовали, а самъ, по свидѣтельству гравёра Іордана, „могъ брать, что ему нужно было и что стоило этого, полной рукою, не давая самъ ничего“. Притомъ, собирая необходимыя ему свѣдѣнія, онъ подчасъ мало задумывался о средствахъ. Помните, какъ мужики говорили про Плюшкина, отправлявшагося на утреннюю прогулку? „Вонъ ужъ рыболовъ пошелъ на охоту!“ Помните, что „послѣ него незачѣмъ было мести улицу, и что если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро“? Точь-въ-точь такъ поступалъ и Гоголь. Въ 1835 году, приступая къ первымъ набросками „Мертвыхъ душъ“, онъ искалъ „хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись“, а позднѣе старался добыть экстракты изъ дѣлъ, докладныя записки, поручая Прокоповичу попросить о подобныхъ бумагахъ И. Г. Пащенка, который, по его словамъ, „можетъ *похитить* изъ своей юстиціи“. Какимъ путемъ и откуда сюжетъ „Мертвыхъ душъ“ былъ *„заимствованъ“*, вы можете судить по веселому замѣчанію Пушкина: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“. Гоголь писалъ: „Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни“.

Весь этотъ пестрый и колоритный житейскій матеріалъ Гоголь, благодаря поразительной способности запомнить каждую мелочь, крѣпко держалъ въ своей головѣ и широко и умѣло имъ пользовался. Его соображенія, о которыхъ онъ упоминаетъ, и были тою внутреннею работой

Digitized by Google

художника, которая состоитъ гораздо больше изъ движенія образовъ и чувствъ, чѣмъ изъ логическаго, отвлеченнаго мышленія и анализа. Тѣ части его писемъ, гдѣ онъ упоминаетъ о фактахъ и не дѣлаетъ собственныхъ опредѣленій самого себя, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что это дѣйствительно такъ: то онъ проситъ пріятеля включить въ свою повѣсть какую-нибудь поговорку, неожиданно имъ услышанную и мѣткую, то пишетъ, что онъ продолжаетъ работать, т.-е. набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ". Самыя рукописи, оставшіяся послѣ Гоголя, доказываютъ, что его обработка накиданнаго, часто сгоряча, на бумагу, была проявленіемъ тонкаго вкуса художника, ненавидѣвшаго пошлость, шаржъ и фарсъ, и удалявшаго изъ своихъ первыхъ набросковъ все, что нарушало его чувство мѣры, а иногда присоединявшаго къ уже написанному новыя, выхваченныя изъ жизни черты. Это было постоянное стремленіе написать такъ, чтобы утвердительно отвѣтить себѣ самому на вопросъ, поставленный въ „Мертвыхъ душахъ" — „и похоже это на правду?" Не будемъ забывать также, что въ повѣсти „Римъ", римскій князь часто проводилъ долгіе часы, всматриваясь въ картины величайшихъ художниковъ, „вперя безмолвный взоръ и, вмѣстѣ съ взоромъ, *входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ*. Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая благородство и красоту чудную движеніямъ души". Эта его любовь къ красотѣ не замѣчалась тѣми его современниками, которые готовы были видѣть въ немъ только анекдотиста и опаснаго пасквилянта.

Но какъ бы ни возвышало Гоголя искусство, какъ ни поднимало оно его выше его слабостей, оно никогда не отрывало его совсѣмъ отъ земли, и чуткое ухо его всегда было раскрыто къ малѣйшимъ звукамъ, доносившимся съ улицы. Сохранилось воспоминаніе одного заслуживающаго довѣрія его современника — Анненкова, записывавшаго за

Digitized by Google

Гоголемъ нѣкоторыя главы „Мертвыхъ душъ“. Это воспоминаніе правдиво изображаетъ, какъ Гоголь, среди возвышеннаго паѳоса, свободно отклонялся для какого-нибудь житейскаго впечатлѣнія, тонко переживалъ его или дѣлалъ лукавое замѣчаніе и вновь сразу переходилъ къ своему вдохновенному изложенію. Дѣло это было въ Римѣ. Анненковъ жилъ съ Гоголемъ на одной квартирѣ и записывалъ подъ его диктовку главы „Мертвыхъ душъ“. Вотъ какъ это происходило. „Гоголь,— разсказываетъ Анненковъ,— крѣпче притворялъ внутреннія ставни оконъ отъ неотразимаго южнаго солнца, я садился за круглый столъ, а Николай Васильевичъ, разложивъ передъ собою тетрадку на томъ же столѣ, подалѣе, весь уходилъ въ нее и начиналъ диктовать мѣрно, торжественно... Это было похоже на спокойное, правильно-разлитое вдохновеніе, какое порождается обыкновенно глубокимъ созерцаніемъ предмета. Николай Васильевичъ ждалъ терпѣливо моего послѣдняго слова и продолжалъ новый періодъ тѣмъ же голосомъ, проникнутымъ сосредоточеннымъ чувствомъ и мыслію. Превосходный тонъ этой поэтической диктовки былъ такъ истиненъ въ самомъ себѣ, что не могъ быть ничѣмъ ослабленъ или измѣненъ. Часто ревъ итальянскаго осла пронзительно раздавался въ комнатѣ, затѣмъ слышался ударъ палки по бокамъ его и сердитый вскрикъ женщины: „Ecco, ladrone!“—Гоголь останавливался, проговаривалъ, улыбаясь: „Какъ разнѣжился, негодяй!“ и снова начиналъ вторую половину фразы съ той же силой и крѣпостью, съ какой вылилась у него ея первая половина“. Когда Анненковъ подъ вліяніемъ того, что диктовалъ ему Гоголь, откидывался на спинку креселъ и, не въ силахъ будучи удержаться, разражался хохотомъ, Гоголь глядѣлъ на него хладнокровно, но ласково улыбался и только приговаривалъ: „Старайтесь не смѣяться, Жюль!“ Это было прозвище, данное Гоголемъ Анненкову. А продиктовавъ „Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ“, Гоголь и самъ принялся смѣяться вмѣстѣ съ Анненковымъ и нѣсколько

Digitized by Google

разъ лукаво спрашивалъ: „Какова повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ?“

Послѣ особенно удачныхъ главъ, спокойствіе Гоголя, сохраняемое имъ во время диктовки, иногда прорывалось, и онъ весь отдавался самой шумной веселости. Додиктовавши VI главу Мертвыхъ душъ, напримѣръ, — онъ позвалъ Анненкова гулять, завернулъ въ глухой переулокъ, „здѣсь принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню, и вдругъ пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ въ воздухѣ такія штуки, что, не далѣе двухъ минутъ, ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломленную часть и продолжалъ пѣсню“.

Чисто художническое творчество Гоголя выражалось иногда и въ томъ, что онъ способенъ былъ вполнѣ переживать съ своими героями ихъ комическія положенія и выходки, и самъ иногда хохоталъ въ моменты созиданія своихъ повѣстей и комедій. Эта способность переноситься въ выдуманное положеніе и въ воображаемый характеръ проявлялась у него и въ жизни въ громадномъ умѣньи представлять въ лицахъ какого бы то ни было знакомаго, незнакомаго человѣка, причемъ къ подражанію всегда присоединялась какая-нибудь тутъ же выдуманная исторія, въ которой представляемое и угаданное лицо дѣйствовало совершенно сообразно съ своимъ характеромъ. Современники его разсказываютъ множество анекдотовъ, какъ этимъ путемъ удавалось ему то дразнить, то смѣшить, то успокоительно дѣйствовать на людей. Эта способность дѣлала изъ него незамѣнимаго чтеца собственныхъ произведеній. Тургеневъ, присутствовавшій разъ при чтеніи Гоголемъ „Ревизора“, передаетъ это воспоминаніе такъ: „онъ поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и дѣла нѣтъ — есть ли тутъ слушатели, и что они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ,

Digitized by Google

какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный — особенно въ комическихъ, юмористическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться — хорошимъ, здоровымъ смѣхомъ; а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло, — и лишь изрѣдка, на губахъ и около глазъ, чуть замѣтно трепетала лукавая усмѣшка мастера".

Принимая въ соображеніе всѣ эти свойства Гоголя, мы не будемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что дарованіе его было непосредственное, и что, когда Гоголь говоритъ о глубокомъ обдумываніи имъ своихъ произведеній, мы ему повѣримъ, но поймемъ этотъ терминъ въ его устахъ не въ смыслѣ послѣдовательныхъ логическихъ выводовъ, а въ смыслѣ постояннаго художническаго настойчиваго угадыванія истинныхъ комбинацій, характеровъ и человѣческихъ свойствъ; мы вправѣ понять его такъ тѣмъ болѣе, что и самый терминъ *угадыванія* истины принадлежитъ ему самому. Его требованія къ искусству прежде всего сводились, такимъ образомъ, къ правдѣ, къ мѣрѣ и къ красотѣ.

Всѣ эти стороны художественной дѣятельности онъ мѣтко схватывалъ гораздо болѣе непосредственнымъ чувствомъ, чѣмъ умозаключеніемъ. Онъ едва ли бы, напримѣръ, могъ точно отвѣтить на вопросъ, что такое ложноклассицизмъ? Но фальшь и жеманство русскихъ подражаній французской комедіи при сопоставленіи съ какимъ-нибудь живымъ образомъ изъ его записной книжки ему сейчасъ же бросалась въ глаза и вызывала просто смѣхъ. „Не смѣшно ли, — пишетъ онъ, напримѣръ, — что русскій судья, которыхъ чрезвычайно много въ водевиляхъ, начинаетъ пѣть куплетъ въ обыкновенномъ разговорѣ? Въ французскомъ театрѣ мы прощаемъ эти выходки противъ естественности, ибо намъ извѣстно, что французскій судья — танцоръ, и куплеты сочиняетъ, играетъ хорошо на флажолетѣ, можетъ-быть, даже

Digitized by Google

рисуетъ въ альбомахъ. Но если начнетъ все это дѣлать нашъ судья и облеченный такою грубою наружностью, съ какою обыкновенно его выставляютъ въ нашихъ водевиляхъ, то... Судью заставляютъ пѣть! Да, если нашъ уѣздный судья запоетъ, то зрители такой услышатъ ревъ, что, вѣрно, въ другой разъ не покажутся въ театрѣ".

Эта способность чувствовать правду и естественность и оторвала Гоголя отъ его фантастическихъ грезъ юности и выработала изъ него великаго представителя реализма, но его большіе запросы на духовную жизнь, его вѣчное самоуглубленіе сообщило его реализму особое высокое свойство. Его сочиненія не протоколъ жизни, не страница, записанная въ клиникѣ, и не мертвая, хотя и точная, фотографія. Онъ самъ замѣчаетъ, что никогда не писалъ *простой копіи*, а *создавалъ портреты*, а для этого, по его словамъ, ему „нужно было *угадать человѣка*". Разъ добытую истину онъ ревниво берегъ про себя отъ лихого глаза и долго созерцалъ и вынашивалъ ее въ самыхъ тайникахъ своей души, а когда посѣщало его вдохновеніе, онъ дѣлился съ нами этимъ богатствомъ, оставляя на немъ печать своей духовной жизни. Вы припомните, что въ картинѣ, поразившей Чарткова на выставкѣ, „видна была", по словамъ Гоголя, *„сила созданія, уже заключенная въ душѣ самого художника*... Видно было, какъ все, извлеченное изъ міра, художникъ заключилъ себѣ въ душу, и уже оттуда, *изъ душевнаго родника, устремилъ его* одной согласной торжественной пѣснью". Тихонравовъ, имѣвшій случай достаточно всмотрѣться въ дѣятельность Гоголя, указываетъ, что этими словами онъ „объясняетъ свой взглядъ на процессъ художественнаго творчества". Вотъ откуда сыпались эти „перлы созданія", въ которые подъ его вдохновенной рукой превращалась наша „подчасъ горькая житейская дорога".

Повторяя упреки, которые дѣлались ему за его неизмѣнный выборъ якобы совсѣмъ нежелательныхъ сюжетовъ, Гоголь писалъ: „Зачѣмъ же выставлять на показъ бѣдность

Digitized by Google

нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что жъ дѣлать, если такого уже свойства сочинитель, и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства". Такою странною болѣзнью могъ заболѣть только человѣкъ, способный глубоко сочувствовать страданью другого. — Эта болѣзнь носитъ очень простое названіе — она называется способностью сочувствовать людямъ. Припомните того молодого человѣка въ повѣсти „Шинель", который, вспоминая канцелярскія продѣлки чиновниковъ надъ бѣднымъ Акакіемъ Акакіевичемъ, „много разъ, — говоритъ Гоголь, — содрогался потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ..." Съ этимъ обращеніемъ къ человѣчности, съ своей любовью къ красотѣ и огромными нравственными запросами на жизнь Гоголь, при всемъ своемъ реализмѣ, примыкаетъ къ тому культурному періоду русской жизни, къ которому отнесло его время: онъ великолѣпная разновидность идеалистовъ 40-хъ годовъ; и одинъ изъ замѣтныхъ представителей именно этихъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, Александръ Ивановичъ Герценъ — хорошо понималъ подкладку „Мертвыхъ душъ", когда говорилъ, что въ нихъ „есть слова примиренья, есть предчувствія и надежды будущаго полнаго и торжественнаго, но... что это — поэма глубоко выстраданная".

Что касается до того, можно ли назвать Гоголя главой реализма въ русской литературѣ, то объ этомъ много спорятъ, и, думается мнѣ, спорятъ потому, что самый вопросъ объ этомъ не можетъ быть поставленъ. Если смотрѣть на литературный процессъ, какъ на постоянное сложное развитіе, въ которомъ каждое явленіе выростаетъ естественно

Digitized by Google

изъ цѣлаго ряда сложныхъ предшествующихъ, то можно ли обособлять какого-нибудь писателя и ставить его во главѣ другихъ. Тутъ можно говорить только объ одномъ вопросѣ: съ именемъ какого автора связалось въ глазахъ большинства русскихъ читателей и писателей представленіе о реализмѣ? Такимъ яблокомъ раздора несомнѣнно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ былъ Гоголь, и можно утверждать, что споры о реализмѣ особенно ожесточились съ появленіемъ въ свѣтъ его сочиненій, хотя онъ былъ не основателемъ этого направленія, а только геніальнымъ продолжателемъ дѣла Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Пушкина, а главное — всего роста культурныхъ успѣховъ русскаго общества.

При всемъ этомъ въ высшей степени характерна для Гоголя одна его черта. Какимъ бы зоркимъ наблюдателемъ русскихъ нравовъ онъ ни былъ, онъ мало интересовался общественными вопросами въ той опредѣленной формѣ, въ которой выдвигала ихъ русская жизнь. Уже не разъ цитированный мною римскій князь (читай — Гоголь) видѣлъ: „какъ журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день (француза) и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски движущейся политики и горячо и жарко принималъ къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика опротивѣло*, наконецъ, сильно итальянцу. Онъ *бросилъ всякое чтеніе, и весь отдался художественному творчеству*“. Гоголь тоже очень мало читалъ... Отсутствіе интереса съ его стороны къ общественной жизни объясняется не только его личными особенностями, но и просто недостаткомъ знаній, которыя могли бы углубить передъ нимъ значеніе этихъ вопросовъ. Какъ только Гоголь пробуетъ высказываться по этому предмету, сейчасъ же его рѣчь звучитъ какимъ-то нелѣпымъ, кричащимъ диссонансомъ. Вотъ, что онъ пишетъ, напримѣръ, Бѣлинскому въ отвѣтъ

Digitized by Google

на знаменитое его письмо: „Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и *фаланстьеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть*“. Видимое дѣло, что для Гоголя всѣ эти *фаланстьеры* и *всякіе* очень смутно представлялись. Какъ образецъ его еще сравнительно мягкаго отзыва о такомъ культурномъ народѣ, какъ нѣмцы, стоитъ прочесть его письмо къ Балабиной отъ 20 мая 1839 года, въ которомъ Гоголь говоритъ: „И можете ли сказать, что всякій нѣмецъ есть Шиллеръ. Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: „Невскій проспектъ“.— Для того, чтобы получить понятіе о наивности сужденій Гоголя во всемъ, что касается соціальныхъ отношеній, надо прочесть его статью о сословіяхъ въ государствѣ. Изъ незнанія проистекала иногда у него удивительная самоувѣренность мнѣній. Ему ничего не стоило, напримѣръ, написать: „Во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать „Планъ“ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы *вялыхъ* профессоровъ, которыми набиты университеты“. Ему ничего не стоило съ апломбомъ утверждать, что онъ напишетъ многотомную великолѣпную всеобщую исторію, но въ этомъ отношеніи жизнь жестоко его наказала не многотомной всеобщей исторіей, а краткой исторіей его профессуры. Гоголь былъ въ сущности человѣкомъ постороннимъ для всего, что имѣло какое бы то ни было отношеніе къ политикѣ, и правъ былъ, когда называлъ себя человѣкомъ *не государственнымъ*, но любопытно, какъ даже и въ этихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ идти только ощупью и постоянно спотыкался, любопытно, какъ спасалъ его талантъ наблюдательности къ внѣшнему проявленію жизни, въ томъ числѣ и общественной. Не принадлежа, въ дѣйствительности, ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ, и, навѣрно, не вчитываясь въ ихъ полемическія статьи, онъ въ то же время

Digitized by Google

необыкновенно искусно уловилъ типичныя черты тогдашней московской и петербургской журналистики, хотя, конечно, рѣдко держалъ въ рукахъ тогдашнія періодическія изданія, только бѣгло ихъ просматривалъ, и судилъ почти по однимъ заглавіямъ. Вотъ какъ острилъ онъ объ этихъ журналахъ: „Въ Москвѣ говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., въ петербургскихъ журналахъ говорятъ о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но чрезвычайно отстаютъ книжками; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются". Для того, чтобы вполнѣ отчетливо представить себѣ неясность общественнаго міросозерцанія Гоголя, стоитъ сравнить его съ другимъ сатирикомъ, правда, впрочемъ, сатирикомъ нашего времени — съ Салтыковымъ!

Но какъ бы ни были велики пробѣлы соціальнаго образованія Гоголя, сочиненіямъ его суждено было сыграть большую роль въ развитіи русскаго самосознанія. Когда вы выражаете какую-нибудь общую мысль, для подкрѣпленія ея, для ясности ея самой вы всегда нуждаетесь въ конкретномъ примѣрѣ. Убѣдительность и яркость примѣра много зависитъ отъ двухъ причинъ, во-первыхъ — отъ его общепризнанности, а, во-вторыхъ, — отъ того, широко или узко вмѣщаетъ онъ въ себя жизнь. Въ наукѣ для большей убѣдительности собираютъ громадное количество фактовъ и нерѣдко доказываютъ мысли итогами статистическихъ вычисленій. Но гдѣ вы найдете статистику нравовъ?.. Какъ подсчитать и какими цифрами выразить душевныя движенія человѣка? Въ области нравственной жизни человѣка единственнымъ статистическимъ итогомъ является пока вѣрный дѣйствительности художественный типъ: онъ сразу даетъ вамъ и обобщеніе жизни, и яркій примѣръ. Гоголь и далъ намъ яркое и совершенно вѣрное изображеніе распространеннаго факта, и притомъ такого, къ которому всѣ приглядѣлись и потому мало замѣчали; онъ освѣжилъ

Digitized by Google

къ этому факту общее вниманіе, хотя соціальный смыслъ этого факта ему самому оставался неясенъ. И когда онъ предложилъ, такимъ образомъ, русскому обществу посмотрѣться въ зеркало, различные люди отнеслись къ этому разсматриванію самихъ себя различно.

Тѣ, кто знали, „чье мясо кошка съѣла", очень досадовали, и „Ревизоръ" хотя и сильно ихъ взволновалъ, но не былъ ими одобренъ. Одинъ современникъ такъ и объяснилъ неуспѣхъ перваго представленія, говоря, что не могъ же въ самомъ дѣлѣ вызвать сочувствіе спектакль, осмѣивающій взяточничество, въ такой зрительной залѣ, гдѣ половина публики была *дающей*, а половина *берущей*.

Тѣ, кто не знали, „чье мясо кошка съѣла", смотрясь въ гоголевское зеркало, простодушно и отъ души смѣялись, узнавая то и дѣло своихъ добрыхъ знакомыхъ, но радуясь *только сходству* и не понимая горькой стороны дѣла.

Наконецъ, третьи, которыхъ было меньшинство, сейчасъ же замѣтили обратную сторону медали и дѣятельно стали истолковывать себѣ смыслъ факта, воспользовавшись той общественной терминологіей, которую такъ мѣтко пустилъ въ оборотъ Гоголь. По поводу „Ревизора" въ „Молвѣ" въ то время писалось: „Имена дѣйствующихъ лицъ изъ „Ревизора" обратились на другой день въ собственныя названія: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, городничіе, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Чацкимъ, Простаковымъ. И все это такъ скоро, еще до представленія сдѣлалось. Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу и вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, между ними, навѣрно, одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя..." На эту, всѣмъ понятную и для всѣхъ убѣдительную, общественную терминологію оперся нашъ знаменитый критикъ 40-хъ годовъ — Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и, твердо ставши на эту первую ступень, созданную

Digitized by Google

Гоголемъ, онъ повелъ русскаго человѣка гораздо выше по пути общественнаго самосознанія.

Такъ, сюрпризомъ для Гоголя случилось, что онъ, ближе всего стоявшій къ офиціальному патріотизму, способствовалъ своими сочиненіями пробужденію иного чувства къ родинѣ, сознательнаго, гораздо болѣе высокаго и связаннаго съ тѣми свѣдѣніями, которыя шли отъ нелюбезнаго ему европейскаго просвѣщенія. Онъ неожиданнымъ для себя самого образомъ поддержалъ человѣка, несомнѣнно не раздѣлявшаго его убѣжденій, извѣстнаго западника Чаадаева, который какъ разъ въ годъ изданія „Ревизора", въ 1836 г., писалъ: „Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой и съ запертыми устами... Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что прошло время слѣпыхъ амуровъ, что теперь мы прежде всего обязаны своему отечеству истиной. Я люблю свое отечество такъ, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его". Эти слова Чаадаева очень точно опредѣляютъ общественное значеніе Гоголя. Гоголь, дѣйствительно, развязалъ глаза своимъ читателямъ. Но для того, чтобы это сдѣлать, мало было даже таланта; надо было въ себѣ самомъ заключать устойчивую нравственную личность, чтобы среди всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ соблазновъ и нападокъ неуклонно идти по разъ угаданному направленію. Надо имѣть мужество, чтобъ воспользоваться талантомъ.

Среди самыхъ запутанныхъ и противорѣчивыхъ странностей характера Гоголя, въ немъ упорно и мощно сохраняло свою неприкосновенность и силу что-то, неподдающееся опредѣленію, что составляло самую интимную и могучую сторону его существованія. Онъ рѣдко кого пускалъ въ эти свои „святыя святыхъ", производилъ иногда впечатлѣніе загадочнаго человѣка, и уже школьные товарищи, мастера въ дѣлѣ прозвищъ, называли его „таинственнымъ карлой".

Digitized by Google

Гоголь зналъ цѣну своихъ сокровенныхъ и высокихъ поэтическихъ стремленій и очень любилъ ихъ. Въ 1835 году онъ записалъ: „Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно моей души!..“

А тамъ, на днѣ этой души горѣлъ хорошій огонекъ. Тамъ ярко искрился веселый смѣхъ, не угасало живое чувство красоты, постоянно теплилось состраданіе къ людямъ и неразлучная съ нимъ печаль — это и есть *истинныя основанія юмора.*

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01998 6143

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD

Digitized by Google

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

рибоѣдовъ и его пьеса. Москва. 1897 г. Ц. 20 к.

Г. Бѣлинскій. Біографическій очеркъ (съ портретомъ). Труды комис. пр. р. яз. при Учебн. Отд. О. Р. Техн. Зн. Москва. 1898 г. Ц. 20 к.

. Г. Бѣлинскій (съ портретомъ). Москва. 1898 г. Ц. 5 к.

. С. Пушкинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности (чистая прибыль съ изданія поступаетъ въ пользу Общ. вспомож. неимущимъ въ г. Пензѣ). Пенза. 1899 г. Ц. 25 к.

черки изъ жизни языка (введеніе въ методику родного языка). Москва. 1899 г. Ц. 40 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНА въ учен. библіотеки старш. возраста.

. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ и С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. С. 29 рис. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 40 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. РЕКОМЕНДОВАНА для фунд. и учен. библіотекъ старш. возраста библіотекъ средн. учебн. завед. и для раздачи въ видѣ награды. Главн. Нач. военно-учебн. завед. РЕКОМЕНДОВАНА для чтенія кадетъ.

. Алферовъ и А. Грузинскій. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы (курсъ средней школы). Москва. 1900 г. Ц. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНА и Учен. Ком. Вѣд. Имп. Маріи РЕКОМЕНДОВАНА въ учен. библіотеки.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина.

ъ Москвѣ, 1) на Никольской улицѣ, домъ Заиконоспасскаго монастыря. 2) у Ильинскихъ р., Гостин. 3) на Никольской улицѣ, д. гр. Орлова-Давыдова. Въ С.-Петербургѣ, Б. Са-ва, № 25. Въ Кіевѣ, Подолъ, Гостин. дв. Въ Варшавѣ, Краковское предмѣс., № 1. Въ Екате-нбургѣ, Покровскій проспектъ, д. Поповичевой. Въ Одессѣ, уг. Преображенск. и Еврейск. Лѣтника, № 53. Въ Воронежѣ, Московская ул. Въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.

Digitized by Google